

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына¹⁾.

Г л а в а II.

Верейду теперь къ внутренней жизни студентовъ. Какъ я уже сказалъ, мы жили въ номерахъ по 4 чел. въ каждомъ. На первый курсъ мы были размѣщены по номерамъ по усмотрѣнiю инспекціи. При этомъ, такъ какъ число студентовъ польскаго происхожденiя было почти равно числу студентовъ—русскихъ, то въ каждомъ номерѣ помѣщено было по 2 поляка и по 2 русскихъ. Мѣра эта имѣла въ виду, вѣроятно, разобщенiе поляковъ, чтобы они не жили, такъ сказать, обособленными группами, но она имѣла послѣдствiя, которыхъ, по всей вѣроятности, не ожидала инспекція. Никакой политической розни тогда между студентами не было, и мы очень охотно сближались съ поляками. Тогдашнiе русскiе студенты, большею частью изъ семинаристовъ, были малоразвиты въ обще-образовательномъ смыслѣ: сама русская жизнь того времени не содержала въ себѣ ничего, что могло бы способствовать этому развитiю. Люди западной культуры—поляки были гораздо выше насъ во всѣхъ отношенiяхъ: у нихъ были опредѣленные политическiе взгляды, они были болѣе знакомы съ западной литературой, о которой мы имѣли самыя смутныя понятiя, благодаря слабому знанiю иностранныхъ языковъ. Понятно, что при такихъ условiяхъ, поляки имѣли большое влiянiе на наше развитiе. Они открыли намъ новый мiръ идей, о которомъ мы не имѣли никакого понятiя. У нихъ была превосходная собственная библиотека, въ которой, кромѣ польскихъ авторовъ, было много сочиненiй на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

По мѣрѣ сближенія съ ними, мы, естественно, стали пользоваться и этой библіотекой: сначала французскими и нѣмецкими книгами, а потомъ и польскими, такъ что къ концу курса нѣкоторые изъ насъ хорошо владѣли польскимъ языкомъ. Въ библіотекѣ было немало книгъ, запрещенныхъ тогдашней цензурой, и онѣ, какъ запрещенный плодъ, всего больше тянули насъ къ себѣ. Какъ доставались эти книги, я сказать не могу, но ихъ было немало!

У насъ, русскихъ, своей библіотеки не было: случайно попадались намъ книжки журналовъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ мы съ жадностью читали статьи Бѣлинскаго и Герцена („Письма объ изученіи природы“, „Дилеттантизмъ въ наукѣ“, первую часть романа „Кто виноватъ“ и др.). Кромѣ того нѣкоторые изъ насъ абонировались въ публичной библіотекѣ книгопродавца Смирдина. Затѣмъ, разумѣется, читали новыхъ народившихся писателей: Тургенева, Гончарова и Григоровича. Наибольшею любовью пользовался между нами Тургеневъ, талантъ котораго начиналъ развиваться во всемъ своемъ блескѣ. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были также любимымъ нашимъ чтеніемъ. Пушкинъ и Лермонтовъ часто были причиною самыхъ горячихъ споровъ о томъ, кто изъ нихъ выше. Спорили часто далеко за полночь, при чемъ, какъ обыкновенно бываетъ, стороны оставались каждая при своемъ мнѣніи. Вообще сначала, какъ въ нашемъ чтеніи, такъ и въ спорахъ преобладалъ элементъ литературно-философскій.

Новое міровоззрѣніе, какъ результатъ изученія естественныхъ наукъ, мало-по-малу овладѣвало нами, часто незамѣтно для насъ самихъ. Но и старыя традиціи, результатъ нашего воспитанія, не вдругъ уступали ему свое мѣсто, а поэтому многіе изъ насъ переживали тяжелую эпоху колебаній и сомнѣній, почти незнакомую нынѣшнимъ поколѣніямъ. Понятно, что все это возбуждало споры между нами.

Изъ иностранныхъ авторовъ всего болѣе читали Евг. Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Тэккерэя. Двухъ послѣднихъ мы читали въ превосходныхъ переводахъ Введенскаго. Я часто бродилъ на толкучку покупать книги и, такимъ образомъ, составилъ себѣ порядочную библіотеку преимущественно изъ англійскихъ писателей, разумѣется, во французскомъ переводѣ. Напр., у меня былъ весь Байронъ, Свифтъ и другіе. Большую часть сочиненій Гёте я прочелъ также во французскомъ переводѣ, вслѣдствіе плохого знанія нѣмецкаго языка.

Занимались ли мы тогда политикой? Нѣтъ, или почти—нѣтъ, да и въ самомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кружкахъ, которые мы посѣщали, мало были развиты политическіе интересы.

Время было глухое, сѣрое. Хотя гнетъ, наложенный послѣ 1848 г. на русскую мысль и русскую литературу, давилъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, но недовольство, вызываемое имъ, было какое-то вялое, унылое, пришибленное и не высказывалось открыто; всѣ боялись говорить объ этомъ. Очень рѣдко, почти шепотомъ, передавали мы другъ другу кое-какія свѣдѣнія о новыхъ дѣйствіяхъ правительства, все больше клонившихся къ стѣсненію русской мысли и преподаванія, да и сами свѣдѣнія эти проникали къ намъ какъ-то случайно, урывками.

О заграничномъ литературномъ и политическомъ движеніи мы ничего не знали, такъ какъ политическаго отдѣла въ русскихъ журналахъ и газетахъ тогда не было.

Итакъ, въ первые 2 года, какъ я уже сказалъ, наши бесѣды и споры не выходили изъ круга чисто-литературныхъ и отчасти философскихъ вопросовъ. Но мало-по-малу кругъ этотъ расширился и сталъ захватывать и политическіе интересы. Первый толчокъ въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, тому кружку, къ которому я принадлежалъ, былъ данъ чтеніемъ знаменитаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“. Целена, покрывавшая наши глаза, разорвалась, и передъ нами явился цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся прямо общественныхъ интересовъ, и изъ нихъ на первый планъ выступилъ, конечно, вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Хотя многіе изъ насъ, особенно уроженцы селъ и деревень, имѣли понятіе о немъ, но до этого времени мало обращали на него вниманія. А теперь оно стало главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, а уничтоженіе его—предметомъ самыхъ горячихъ мечтаній нашихъ. Арестъ и высылка Тургенева по поводу его статьи о смерти Гоголя также открыли намъ глаза, показавъ, что правительство далеко не на сторонѣ прогресса. Затѣмъ, совершенно случайно проникли къ намъ кое-какія С.-Симонистскія брошюры, „Paroles d'un croyant“, Laménais и кое-что изъ запрещенныхъ русскихъ изданій, вышедшихъ за границей. Все это, конечно, способствовало развитію въ насъ интереса къ политикѣ и къ социальнымъ вопросамъ, но интересъ этотъ былъ чисто теоретическій. Мы толковали и мечтали о лучшихъ идеалахъ общественнаго устройства и о передѣлкѣ общественныхъ отношеній сообразно съ этими идеалами, но непосредственнаго отношенія къ нашей русской дѣйствительности въ этихъ мечтахъ не было, и онѣ не выходили изъ предѣловъ нашего тѣснаго кружка: мы не только не пропагандировали нашихъ идей въ обществѣ, но даже и не говорили о нихъ нигдѣ. Да и слушателей, пожалуй, мы бы не нашли въ тѣхъ домахъ и обществахъ, которые мы посѣщали.

Тамъ играли въ карты, толковали о производствахъ и назна-

ченіяхъ и занимались сплетнями. Даже литературные интересы исчезли въ то время изъ общественнаго обихода.

Журналы наши, даже лучшіе, пробавлялись тогда легкими повѣстями да пустыми безсодержательными фельетонами, вродѣ, путешествія какого-нибудь Ивана Чернокижника. Всякая живая общественная мысль была изъ нихъ изгнана. Литературная критика, въ лицѣ Дудышкина и др., занималась только эстетическими вопросами.

Въ 1853 году начали циркулировать въ обществѣ слухи о войнѣ, и общество нѣсколько оживилось. По поводу этого высказывались различные взгляды: люди съ шовинистскимъ характеромъ, квасные патріоты проповѣдовали, что Европѣ не справиться съ нами, что мы шапками закидаемъ европейцевъ; другіе же, нѣсколько лучше знакомые съ положеніемъ дѣлъ, крѣпко призадумались и сомнительно качали головой, слушая задорныя рѣчи шовинистовъ. Зная недостатки нашей арміи, не имѣвшей даже хорошаго современнаго вооруженія, зная всю неурядицу нашего управленія, они сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ войны. Были и такіе, которые сомнѣвались даже въ самой возможности войны. Каюсь, и я былъ въ числѣ этихъ скептиковъ. Намъ казалось, что Европа уже переросла вѣкъ кулачнаго права и что, при современномъ состояніи культуры, народы и правительства найдутъ мирный исходъ для разрѣшенія возникшихъ между ними споровъ, тѣмъ болѣе, что самый поводъ къ этимъ спорамъ казался намъ не важнымъ. Мы не понимали, что дѣло идетъ не о гробѣ Господнемъ, а о болѣе существенныхъ интересахъ цивилизаціи и культуры, не понимали, что буржуазная Европа составила коалицію противъ насъ въ защиту своихъ учрежденій противъ нашего абсолютизма. Громъ синопскихъ пушекъ скоро отрезвилъ насъ и разбилъ наши миролюбивыя мечты, не имѣвшія никакой почвы подъ собой и никакой связи съ дѣйствительностью.

Жизнь наша въ Академіи шла довольно тихо и мирно: въ 7 часовъ мы вставали, собирались на утренній казенный чай, затѣмъ отправлялись на лекціи и въ клиники, а въ 3 часа обѣдали. Обѣдъ былъ простой, не довольно питательный и всегда изъ свѣжихъ продуктовъ. Въ 7 полагался ужинъ, но на него мало кто ходилъ изъ казенныхъ студентовъ. Имъ пользовались, большею частью, бѣдные своекоштные студенты, которыхъ у насъ было немало. Это дѣлалось, конечно, съ разрѣшенія начальства. Кутежей и попоекъ у насъ не было, что вѣроятно зависѣло въ значительной степени отъ

нашей общей недостаточности. Рѣдко кто получалъ кое-какія пособія изъ дома. Нѣкоторые изъ насъ пріобрѣтали на мелкіе расходы урсками, хотя заработокъ этотъ былъ очень тяжелый: ходить за полтинникъ съ Выборгской стороны куда-нибудь въ Коломну, или Измайловскій полкъ, и терять на это 3—4 часа, отрывая это время отъ занятій, было скорѣй невыгодно. Приходилось для того, чтобы наверстать это потерянное время, заниматься иногда до 2 или 3 часовъ ночи, что было не особенно полезно для здоровья. Я одно время зарабатывалъ рублей до 10-ти въ мѣсяцъ переводами мелкихъ статей изъ французскихъ журналовъ для „Репертуара и Пантеона русскихъ театровъ“, издававшася тогда Кони, отцомъ теперешняго знаменитаго юриста. Хотя заработокъ этотъ былъ и невеликъ, но, по крайней мѣрѣ, можно было работать дома и во всякое время.

Изрѣдка ходили мы въ театръ, особенно на пьесы Островскаго. Александринскій театръ блисталъ тогда такими звѣздами 1-ой величины, какъ Мартыновъ, Максимовъ, сестры Самойловы, самъ Самойловъ и др. За неимѣніемъ капиталовъ ходили большею частью въ раекъ.

Была у насъ кучка меломановъ, любителей итальянской оперы, тоже посѣщавшихъ главнымъ образомъ раекъ. Въ раекъ Большого театра можно было ходить въ форменномъ платьѣ, а въ раекъ Александринскаго—только въ штатскомъ, а такъ какъ ношеніе штатскаго платья составляло преступленіе, преслѣдуемое академическими правилами, то изъ этого возникали нерѣдко непріятныя столкновенія съ инспекціей, кончавшіяся иногда заключеніемъ въ карцеръ, что я разъ испыталъ и на себѣ.

Любимымъ отдыхомъ студентовъ была послѣобѣденная прогулка по Невскому отъ Пассажа до Адмиралтейской площади.

Въ нашемъ кружкѣ было еще одно любимое развлеченіе: раза 2 въ мѣсяцъ мы ходили въ кондитерскую Иванова, находившуюся на углу Моховой и Пантелеймоновской, заказывали по стакану ананаснаго пунша, что стоило 30 коп., и просиживали за нимъ цѣлый вечеръ, просматривая иностранные иллюстрированные журналы.

Съ начальствомъ и инспекціей мы жили довольно мирно, хотя, конечно, бывали иногда столкновенія, возникавшія, главн. обр., изъ-за ношенія фуражки, внѣ разрѣшеннаго района, т. е. Выборгской и Петербургской сторонъ.

Президентомъ Академіи былъ тогда В. Пеликанъ, бывшій когда-то ректоромъ Виленской медицинской академіи. Впрочемъ, мы имѣли съ нимъ мало дѣла. Вице-президентомъ былъ Балобіани. Этотъ старый, хитрый италіанецъ всячески избѣгалъ столкновеній

со студентами и старался, большею частью, улаживать недоразумѣнія съ ними мирнымъ путемъ, вѣроятно, ради избѣжанія какихъ-либо рѣзкихъ выходовъ съ ихъ стороны. Всего ближе къ намъ былъ инспекторъ полковникъ Шёнрокъ. Это былъ тоже человекъ уклончивый и вкрадчивый и для избѣжанія какихъ-либо столкновений даже не входилъ по вечерамъ въ Академію. Нужно сказать, что въ Академіи была тогда сильно развита картежная игра: играли въ преферансъ, ералашъ, конечно болѣе всего насчетъ графа Шереметева, но иногда составлялась грандіозная партія въ ландскнехтъ, въ которой участвовало чел. 10—15. Последняя игра, какъ азартная, преслѣдовалась, и нерѣдко играющихъ накрывалъ дежурный субъ-инспекторъ, при чемъ, обыкновенно, отбирались карты, и этимъ, по большей части, и кончалось дѣло.

Субъ-инспектора были также изъ военныхъ. Они жили со студентами въ ладу. Былъ, правда, въ 1852 году назначенъ какой-то молодой поручикъ Михайловъ, вообразившій, что онъ имѣетъ дѣло не со студентами, а съ кадетами, но, получивши отъ студентовъ 2—3 энергическихъ отпора, а разъ даже хорошій пинокъ, онъ также пришелъ въ разумъ и съ тѣхъ поръ старался быть всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со студентами.

Въ концѣ 50-хъ годовъ новымъ духомъ повѣяло въ Академіи: на мѣсто Пеликана, назначеннаго предсѣдателемъ Медицинскаго Совѣта, президентомъ Академіи былъ назначенъ бывший профессоръ теоретической хирургіи Дубовицкій, человекъ богатый и самостоятельный, окончившій свое медицинское образованіе въ Парижѣ, а вице-президентомъ—профессоръ физиологіи Московскаго Университета Глѣбовъ. При ихъ управленіи въ Академіи закипѣла научная дѣятельность, и начался блестящій періодъ ея жизни: были перестроены всѣ старыя клиники, учреждены клиники: офтальмологіи, женская и психіатрическая, устроены естественно-историческій институтъ съ хорошей, просторной химической лабораторіей, устроены отдѣльные анатомическій институтъ съ кабинетами для физиологическихъ работъ, и для работъ по гистологіи и патологической анатоміи. Молодыхъ врачей, оставляемыхъ при Академіи, стали посылать для усовершенствованія за границу. Изъ нихъ вышло потомъ нѣсколько дѣльныхъ профессоровъ, поставившихъ академическое преподаваніе на уровеньъ современной науки. Изъ учениковъ послѣднихъ вышло немало профессоровъ для другихъ русскихъ университетовъ.

13-го марта 1855-го года я былъ выпущенъ изъ Академіи со званіемъ лѣкаря. Не обширны были тѣ познанія, съ которыми мы вышли изъ Академіи, но зато мы вынесли изъ нея уваженіе къ наукѣ и любовь къ труду; дальнѣйшее наше развитіе всецѣло уже зависѣло отъ нашей личной энергіи.

Немало изъ моихъ сотоварищей погибло въ первые 2 года службы во время восточной войны отъ инфекціонныхъ болѣзней, но оставшіеся въ живыхъ, сколько мнѣ извѣстно, свято хранили академическіе завѣты и пронесли ихъ черезъ всю свою медицинскую дѣятельность.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

